

О ЧЁМ СКОРБИМ

Что углядел ребячьим оком,
Близ волчьего бывшего гнезда,
То в сердце раною глубокой
Зарубцевалось навсегда.

В коляске плоско — деревянной —
Подшипники вместо колёс.
Скрипит она, а утром ранним
Солдат в площадку свою врос.

Бывалой мощью направляет
«Каретку» хриплую свою
В поток ликующего мая,
Чтоб вместе в праздничном строю.

Вздыхнул натружено, устало:
— Народ честной, посторонись!
На небе облако рыдало,
Слезинками стекая вниз.

Без ног, на фронте удалённых,
Из преждевременных седин,
Скорбил солдат: из батальона
В живых остался он один...

Жаль, меркнет память в Украине,
К безумья катится черте;
И мы скорбим о том, что ныне
В герои вознесли не тех.

ТАНЕЦ ВОЛЧИЦЫ

Ночь опустилась на тайгу,
Укутав жутью зимовейку,
А с нею серую злодейку
На белом саване — снегу.

Охотник третью ночь в плену
У ненасытной волчьей стаи;
Волчица яростью сверкает,
Да волки воют на луну.

Трескучий северный мороз
Напряг до стона стылый воздух,
А с ним щемящую тревогу
Над зимовьём моим вознёс.

В притворном танце, близ дверей,
К утру коварная волчица
То присядает, то кружится —
Там всё вокруг подвластно ей.

И пёс, в истоме, бьёт хвостом,
Скулит и рвётся рьяно к самке;
Все волки скрылись спозаранку
Для стражи в ельнике густом.

— Послушай, верный пёс, тропа
К ручью увенчана костями;
Там под ольховыми кустами,
Твоих собратьев черепа.

— Не знаешь, сколько их вокруг —
Клыкастых чар по белу свету..
Не торопись на встречу смерти,
Что в танце ждёт тебя, мой друг.

Но ляг оборванной цепи
По сердцу резанул ответом..
Пёс синь студёного рассвета
Горячей кровью окропил...

Последний был к ружью заряд.
За всех, за всё — прицельный выстрел!
Снежинки рассыпью, как искры,
С деревьев сыплются не зря...

Вздыхнул охотник: к зимовью,
Сквозь бурелом, тревожной ранью,
Пробьётся друг мой на буране,
Разделит он печаль мою.

Найдём в искровленном снегу
Два свежеглоданных скелета;
Я мимо них уже до лета
Пройти без скорби не смогу..

Корят меня: мол, пустыки,
В глухой тайге, средь волчьей стаи;
Но где в судьбе своей сверстаю
Таёжной свежести стихи?

Из городских сует, зловоний,
Где быть я долго не могу,
Судьба зовёт меня на волю,
В мою суровую тайгу..

ИСПОВЕДЬ СЕСТРИЧКИ

В закате дня — утихший бой,
Но стон был мною слышен.
Я повстречалась, вдруг, с тобой,
Как будто встреча была свыше.

В огне ничейная межа,
Воронки вражеских снарядов;
Средь них ты при смерти лежал
И только я с тобою рядом.

Из пепла, презирая страх,
Тебя таща на волокуше,
Я вдруг услышала: «Сестра»,
И где-то дальний звон кукушки.

— Так, значит, будешь ты спасён.
И я щекой к тебе прижалась.
Порыв девичий — сладкий сон,
Где заодно — любовь и жалость.

О, мне не раз твоя любовь
Была заступницей от боли —
Я, окрылённая тобой,
Спасала раненых на поле.

Ушла проклятая война,
Послал нам бог чудесный вечер;
С моей волной — твоя волна
Слились и, верю я, навечно.

РОССИЯ И БЕЛАЯ РУСЬ

Я этим двум странам красивым
До самой земли поклонюсь.
Мой дом, мои дети — в России,
Родня моя — вся Беларусь,

Где первые полчища вражки
Споткнулись о Бреста твердынь...
Воронки, окопы и даже
Войной опалённая синь.

А в городе Орша — «Катюша»
Напомнит на вечном посту,
Как лютого зверя утюжа,
К его провожала гнезду.

Давно у времён тех седины,
Но в сердце кинжальный вопрос:
Мы что, только в горе едины,
А в дни благодатные врозь?

Безумны любые препоны,
Судить я о них не берусь,
Но хочется нам, чтобы снова
Мы стали родными по-нову
— Россия и Белая Русь...

НА КРУГО-БАЙКАЛЬСКОЙ

Судите меня и корите,
В порту, там где рельсы у скал,
Однажды мне призрак предстал:
В слезах станционный смотритель,
В хрустальной печали Байкал.

Я ехал в турпоезде летом,
Под песни вагонных колес,
Но то, что когда-то сбылось
Еще над Байкалом не спето,
А стало знакомо до слез.

Не сделано дивных открытий:
Средь праздных туристов у скал
Мне далее в грезах предстал
С киркой той дороги строитель,
Кто воли и доли искал.

Свисали над рельсами скалы
Громадами из-под небес,
Десятки тоннелей окрест,
Хотя и с годами устало,
Несут несогбенно свой крест.

Восторг чудесам необъятен,
Но с ними в тоннелях у скал
Тоски подступившей оскал,
А в ней той тоннели ваятель.

В сорвавшейся буре исчезнув
Внезапно отчаянно враз,
Как будто потомкам наказ,
Байкал разъяренный , как щепку
Направил на скалы баркас.

Бросал он студеные волны,
До капельки кровь леденя,
В разгар того дивного дня
Бурлил, извергая на волю
Обиду до самого дна.

Опали студеные страсти
И вновь ненаглядная гладь,
Очами ее не объять,
А солнце успело окрасить
Сиянием каждую пядь.

В тоннелях, как в трубах органа,
Журчанье целительных фуг
И стали никчемными вдруг,
Как в жерлах остывшие раны.
На сердце недавний недуг.

Привет шлют тоннелям и стенкам,
Восторженным тур-поездам,
А с ними, как птицы, года,
Когда всё приметней ступеньки
На свете к земным чудесам.

Пред ними паду на колени:
Священной дороги той нет
И в том нам потомкам ответ,
Что здесь, в конце каждой тоннели,
Как солнца пасхального свет.

Монетку на волны забросив
Шепнул на прощанье: «Пока»,
Но дрогнула сбившись строка:
Вдали, что чудес тех напротив
Зловеще дымил ЦБК...

В последних тоннельных просветах
На зорьке вечерней в пути,
Окрасился скорбью мой стих...
О, как нам родную природу
От наших безумий спасти!

РАЗГОВОР С ЛЭП

Предо мною таёжная просека,
Вышки ЛЭП и седой горизонт.
Полыхают зарницы над проседью,
Опьяняет предгрозья озон.

Пробегают по просеке вышки
Сквозь тайгу по распадкам и горам,
Я сегодня на просеку вышел
Для душевного с ЛЭП разговора.

Вы шагаете, вышки, из Братска,
Где венчался я с первой строфою.
Вам о ней я поведаю вкратце,
Но грустинки о прошлом не скрою...

— А куда вы спешите, — спросил я
вас однажды. Вы глянули вниз —
Бурным током, клокочущим в жилах,
Был ваш гордый ответ: «В коммунизм!»

Ах, мечта... упорхнула жар-птица,
Только искры на память о ней,
Чтобы Братску нам сказкой явиться
В оперении ярких огней.

А сегодня, шагая по просеке,
Отрешённо взмахнули крылами;
Почему о тревоге не спросите,
Чёрной тучей зависшей над нами?

Всё, что было, всем миром построено,
Стало чьим-то: Преступно? Нечаянно???
Удалялся я в чувствах расстроенных,
Но а вышки — в железном молчании...